

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопrotивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фея Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Мечта влюбленного мальчишки
Родовое поместье

ДАНИЭЛА СТИЛ

Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!
Клуб Холостяков
Наперекор судьбе
Сестры
По велению сердца

НОРА РОБЕРТС

Красная лилия
Небо Монтаны

БАРБАРА ФРИТТИ

Улыбнись, мой ангел

ДАНИЭЛА СТИЛ

По велению
сердца

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
MATTERS OF THE HEART

Copyright © 2009 by Danielle Steel

Перевод с английского *С. Володиной*

Художественное оформление *С. Власова*

Стил, Даниэла.

С80 По велению сердца / Даниэла Стил ; [пер. с англ. С. А. Володиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-98348-3

Когда успешная фотохудожница Хоуп Данн приехала в Лондон, чтобы провести фотосессию с известным молодым писателем Финном О'Нилом, она даже предположить не могла, как эта встреча изменит всю ее дальнейшую жизнь. Финн мгновенно влюбляется в очаровательную женщину и приглашает ее погостить в своем уединенном ирландском поместье. Хоуп не может устоять перед его обаянием, и поначалу их будущее видится ей в самом радужном свете, но очень скоро чары любовного наваждения начинают рассеиваться...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Володина С., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98348-3

Эта книга для меня совершенно особенная, и я посвящаю ее моим чудесным детям: Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и Заре, которые были рядом на протяжении практически всей моей сознательной жизни и писательской карьеры и которые составляют величайшее счастье и смысл всего моего существования.

Эта книга является сотой по счету — если считать мои неопубликованные ранние романы, изданные и неизданные произведения, не являющиеся беллетристикой, поэтический сборник, детские книги, которые я писала для своих детей, — словом, все то, что вышло из-под моего пера. Этим волнующим моментом в моей писательской жизни я в значительной степени обязана бесконечной, непреходящей, преданной, любящей и терпеливой поддержке со стороны моих детей. Без их любви и поддержки я бы ничего не достигла. Так что эту книгу я от всей души и от чистого сердца, с большой признательностью и нежностью посвящаю им.

Еще в этот знаменательный момент не могу не сказать слов глубокой признательности тем дорогим мне людям, без которых все это было бы невозможно, — моему восхитительному агенту и другу Морту Дженклоу, моему бессменному редактору и подруге Кэрол Барон, моей обожаемой помощнице Нэнси Айзенбах, которая с фантастической доскональностью добывает для меня весь тот материал, что делает книгу правдивой, и с которой мы дружим с самого детства. А также моим издателям, редакторам и тебе, мой дорогой читатель, — без всех вас ничего этого бы не было.

Всем вам в этот особенный для меня момент отдаю свое сердце, свою самую искреннюю признательность и любовь. А больше всего и прежде всего — моим детям, ради которых я пишу, живу и дышу и которые делают каждое мгновение моей жизни бесценным.

С любовью, Д. С.

Глава 1

Хоуп Данн шла по Принс-стрит в нью-йоркском районе Сохо. Тихо падал снег. Было семь часов, магазины только что закрылись, и привычная магазинная суэта стихла, чтобы наутро возобновиться с прежней силой. За два года Хоуп успела полюбить этот модный район Манхэттена, он казался ей более привлекательным, чем центр города. В Сохо много молодежи, всегда есть что посмотреть и с кем поговорить. В том, что жизнь здесь бьет ключом и улицы всегда залиты светом витрин, Хоуп убеждалась всякий раз, когда покидала свое пристанище, квартиру в перестроенном производственном здании — то, что называется модным словом «лофт».

Стоял декабрь, предрождественская неделя, самое нелюбимое для Хоуп время в году. Вот уже несколько лет эти дни не ассоциировались у нее ни с какой радостью, и она набиралась терпения и ждала окончания праздников. Два предыдущих Рождества она провела, работая добровольцем в приюте для бездомных. А за год до этого она была в Индии, где этому празднику вообще не придают

значения. Тогда возвращение в Штаты явилось для нее шоком. После Индии здешняя жизнь показалась насквозь пронизанной корыстью и лишенной содержания.

Индия круто изменила ее жизнь, а возможно, даже и спасла. Хоуп сорвалась внезапно и отсутствовала полгода. Возвращаться в американскую действительность оказалось делом невероятно трудным. Она не вернулась в Бостон, где жила до отъезда, а поселилась в Нью-Йорке, тем более что перед поездкой съехала с квартиры и сдала вещи на хранение. Для Хоуп было не так важно, где жить, она работала фотографом, и ее дело всегда было при ней. В данный момент ее индийские и тибетские фотографии были выставлены в одной престижной галерее. Некоторые другие ее работы даже экспонировались в музеях. Критики зачастую сравнивали ее со знаменитой Дианой Арбус. Ее героями чаще всего становились обездоленные и несчастные. Хоуп умела так передать застывшее в глазах страдание, что при одном взгляде на снимок у зрителя будто вынимали душу — точно так же, как переворачивалось все в душе у нее самой, когда она эти фотографии делала. В своей области Хоуп достигла больших высот, но по ней ни за что нельзя было догадаться, что она признанный во всем мире фотограф.

Всю свою жизнь Хоуп посвятила наблюдению за людьми, фиксируя различные проявления человеческой натуры. А для этого, как она не уставала

повторять, надо научиться вмиг исчезнуть, стать невидимкой, чтобы никак не влиять на своего героя. И опыт, обретенный ею за то чудесное время, что она провела в Индии и Тибете, лишний раз это подтверждал. Во многих случаях Хоуп Данн научилась быть человеком-невидимкой, и при этом она являла собой заметную фигуру в искусстве и обладала незаурядными личными качествами. От нее исходил какой-то внутренний свет и сила, которые, казалось, заполняют все вокруг.

Сейчас она шагала по Принс-стрит под снегом. Случайная прохожая попалась навстречу, и Хоуп улыбнулась. Погода благоприятствовала более длительной прогулке, и она пообещала себе, что чуть позже непременно прогуляется еще. Хоуп не жила по какому-то графику и ни перед кем не отчитывалась. Это было главное достоинство ее холостяцкой жизни — полная свобода действий и поступков. Она была женщиной абсолютно независимой, но во всем, что касалось работы, и в отношении к своим героям исповедовала железную дисциплину. Иногда она, в простой футболке и джинсах, садилась в метро и отправлялась в Гарлем, бродила там по улицам и снимала детей. У нее уже был опыт фотографирования детей и стариков в Южной Африке, где ей тоже довелось пожить. Сейчас она редко бралась снимать за деньги, чаще она отправлялась туда, куда ее звало сердце. Иногда она делала модные фотосессии для «Вог», но только если в заказе было что-то неординарное.

В основном же для журналов она снимала важных особ, если они представлялись ей самой содержательными и интересными личностями. У нее уже вышел солидный альбом фотопортретов, другой был посвящен детям, а вскоре должен был увидеть свет еще один — с ее индийскими фотографиями.

К счастью для себя, Хоуп могла позволить себе заниматься тем, что было ей интересно. Не хвататься за первый подвернувшийся заказ, а выбирать из множества поступающих предложений. И при всей любви к официальным портретам теперь она бралась за такую работу не чаще одного-двух раз в год. Гораздо больше ее сейчас занимали фотографии, которые можно делать просто на улице или в поездках и путешествиях.

Хоуп была миниатюрной женщиной с фарфорово-белой кожей и черными как смоль волосами. В детстве мама посмеивалась над ней, называя Белоснежкой, и была недалеко от истины. В ней всегда было что-то сказочное. Миниатюрное сложение, как у Дюймовочки, и необычайная гибкость, позволявшая свернуться клубочком в уголке и сидеть незамеченной. Но что особенно поражало в ее внешности, так это синие глаза. Густо-синего цвета, с оттенком фиолетового, какими бывают самые ценные сапфиры из Бирмы или Цейлона, эти глаза были полны сострадания к людским горестям и страданиям, коих она повидала немало. Всякий, кому доводилось видеть выражение этих глаз, сразу понимал, что эта женщина

много пережила, но с честью вышла из испытаний, сохранив достоинство и благородство. Перенесенная боль не ввергла ее в депрессию, а, наоборот, подняла до высот смирения и гармонии с миром. Не будучи буддисткой, Хоуп разделяла философию этого вероучения и не пыталась сопротивляться обстоятельствам, а плыла по течению, позволяя жизни нести ее от одного переживания к другому. Эта глубина и мудрость сквозили и в ее работах — готовность принять жизнь как она есть и не стремиться изменить ее в своих интересах — то, над чем человек не властен. Хоуп легко отказывалась от того, что любила, — самая сложная задача из тех, что выпадает человеку. И чем больше она жила, чем больше училась и постигала, тем глубже делалось ее смирение. Один встреченный в Тибете монах назвал ее святой женщиной и был близок к истине, хотя Хоуп и не исповедовала ни одного из официальных вероучений. Если она во что и верила, то только в жизнь, которую принимала с благодарностью. Она была как гнущийся на ветру камыш, прекрасный и стойкий.

Хоуп подошла к подъезду. Снегопад усилился. На плече у нее висел кофр с камерой, там же лежали ключи и бумажник. Больше она ничего с собой не носила, косметикой не пользовалась, только иногда подкрашивала губы, отчего делалась еще больше похожей на Белоснежку. Иссиня-черные волосы она зачесывала гладко назад и стягивала либо в конский хвост, либо в косу или

пучок, в распушенном же виде они доходили до пояса. Изящество в движениях делало ее похожей на девочку, да и на лице морщин практически не было. По паспорту Хоуп уже стукнуло сорок четыре, но ей никак нельзя было дать ее годы, она всегда выглядела намного моложе. Как ее фотографии и запечатленные на них лица, она оставалась вне времени. Достаточно было одного взгляда на эту женщину — и уже трудно было отвести от нее глаза, хотелось любоваться ею до бесконечности. В одежде Хоуп избегала ярких тонов и почти всегда была в черном, словно затем, чтобы не отвлекать на себя своих будущих героев, но в жарком климате она, конечно, предпочитала белый цвет.

Открыв ключом дверь подъезда, она энергичным шагом поднялась к себе на третий этаж. Она озябла и теперь с радостью входила в дом, где можно было согреться, хотя из-за высоких потолков и больших окон в квартире порой гуляли сквозняки.

Хоуп зажгла свет и, как всегда, с удовольствием оглядела свой спартанский интерьер. Цементный пол был выкрашен в черный цвет, диван и мягкие кресла обиты светло-кремовой тканью, словом, ничто в обстановке ее жилища не резало глаз. В этой простоте было что-то от дзен-буддизма. А по стенам повсюду висели огромные черно-белые фотографии в рамках, ее любимые работы за долгие годы творчества. Самую длинную стену украшал цикл фотографий юной балерины, сде-

ланных в движении. Девушка на снимках была необычайно хороша собой, изящная белокурая танцовщица не старше девятнадцати. Это была замечательная серия, часть личной коллекции Хоуп. По другим стенам во множестве висели фотографии детей, были и снимки индийских монахов, которых она фотографировала в ашраме, где проходили ее духовные искания, а также два огромных портрета государственных деятелей высшего ранга.

Квартира, можно сказать, являла собой галерею ее работ, а на длинном белом лакированном столе была в строгом, почти хирургическом порядке выложена на мягких подложках вся аппаратура. Для больших заказов Хоуп обычно брала ассистентов со стороны, но в большинстве случаев предпочитала делать все сама. С ассистентами, конечно, было легче, но они сильно отвлекают. Любимым фотоаппаратом Хоуп Данн была купленная сто лет назад «Лейка». Для студийной съемки она использовала также «Хассельблад» и «Мамию», но старая камера оставалась ее самой любимой. Фотографировать Хоуп начала еще в девять лет. В семнадцать поступила на специальные курсы фотографии при колледже Брауна, которые с блеском окончила через четыре года, представив в качестве дипломной работы впечатляющий ближневосточный проект. После диплома она год проработала в качестве коммерческого фотографа и успела за это время выйти замуж, но потом на долгих двенадцать лет практически выпала из про-

фессии и довольствовалась единичными заказами от случая к случаю. Однако в последние десять лет Хоуп вернулась к любимому делу, и именно эти годы принесли ей мировую известность и все крепнущее признание. К тридцати восьми, когда Нью-йоркский музей современного искусства устроил выставку ее работ, она была уже известным фотографом. Настал ее звездный час.

Хоуп зажгла кругом свечи и погасила верхний свет. Удивительным образом эта квартира действовала на нее умиротворяюще. Вместо спальни у нее была небольшая антресоль над лестницей с узкой односпальной кроватью, и Хоуп нравилось, засыпая, оглядывать сверху свое жилье, от этого у нее возникало чувство полета. Этот лофт разительным образом отличался от всех ее прежних квартир, в чем было еще одно его преимущество. Хоуп всегда страшилась перемен, но на этот раз встретила их с легким сердцем. Приняв то, чего всегда боялась, она поняла, что внутренне сделалась сильнее. Всю жизнь ее преследовал страх утраты и перемен, но теперь она научилась принимать их с достоинством и мужеством.

В дальнем конце квартиры располагалась небольшая кухня с черной гранитной отделкой. Скорее по обязанности, чем для того, чтобы утолить голод, Хоуп прошла на кухню и разогрела себе суп из банки. Ей было лень заниматься стряпней, она годами жила на супах, салатах и яичнице. В тех редких случаях, когда у нее пробуждался аппетит к

настоящей еде, Хоуп в одиночестве отправлялась в какой-нибудь незатейливый ресторан и, не рассиживаясь, съедала незамысловатый ужин. Кулинария никогда не была ее сильной стороной, да она и не скрывала этого. Она считала готовку пустой тратой времени, ведь в мире так много других интересных вещей — сначала это была семья, теперь — работа. В последние три года вся ее жизнь свелась к работе. Своему делу она отдавалась всей душой, и это приносило результат.

Хоуп поглощала свой суп и смотрела на падающий за окном снег, когда зазвонил телефон. Она отставила тарелку и достала мобильник. Звонков она не ждала, но, услышав в трубке голос своего агента Марка Веббера, улыбнулась. Давненько от него не было вестей.

— Слушай, ты сейчас где? В каком часовом поясе? Я не разбудил? — В ответ Хоуп рассмеялась и пересела на диван. С тех пор как она десять лет назад вернулась к работе, Марк бесценно представлял ее интересы. Обычно он добывал для нее коммерческие заказы, но к ее более глубоким творческим проектам относился с не меньшим уважением. И любил приговаривать, что в один прекрасный день она будет признана одной из самых значительных современных фигур в американской авторской фотографии. В каком-то смысле его пророчество уже сбывалось, ведь Хоуп пользовалась заслуженным признанием как галерейщиков, так и коллег по цеху.